

STRUCTURE OF THE ART-SPACE IN THE STORY "I" BY A.P. POTEKIN

Iu. Pykhtina, Candidate of Pedagogical sciences, Lecturer,
Associate Professor
Orenburg State University, Russia

The author performs the analysis of the art space structure in A.P. Potemkin's story "I". Several interrelated spatial models are allocated and described: household space, natural space, social space, psychological space, transpersonal space.

Keywords: art-space, spatial models, I-space, A.P. Potemkin.

Conference participant,
National championship in scientific analytics

Занимаясь исследованием сквозных пространственных образов и моделей в русской литературе [9], мы столкнулись с проблемой литературоведческого анализа специфических форм пространства, создаваемых современными отечественными писателями. Так, например, до сих пор нет четкой методики изучения индивидуальных пространственных образов – внутреннего я-пространства героя – в художественном тексте. Безусловно, исследователи достаточно плодотворно описывали приемы раскрытия внутреннего мира человека (В. Адрианова-Перетц [1], А. Есин [2], Д. Лихачев [3], Е. Мелетинский [6], В. Савельева [10], В. Свительский [12], Е. Эткинд [13] и др.), однако их интерес сосредотачивался в основном на проблемах психологизма и способах репрезентации мира чувств, мыслей, желаний героев в художественных произведениях. Нас же интересует внутренний мир героя как особый пространственный образ, имеющий собственную структуру и смоделированный по тем же законам, по которым моделируются другие пространственные образы.

В качестве объекта анализа мы выбрали повесть А.П. Потемкина¹ «Я», в которой автор создает индивидуальную модель художественного пространства. Оригинальность этой модели, с одной стороны, проявляется в сложной комбинации пространственных образов в пределах одного текста, а с другой, в конструировании

собственно я-пространства. Повесть представляет собой поток сознания молодого человека Василия Караманова, оставшегося сиротой в малолетнем возрасте и прошедшего сложнейшую школу жизни сначала в родном городке Путивле, где его воспитывала тетка-алкоголичка, затем в детской колонии, куда он был отправлен за сорванный футбольный матч и где попал чуть ли не в рабство к учительнице русского языка, а затем в колонии для несовершеннолетних преступников, где отбывал наказание за неудавшийся поджог дома этой учительницы. С детства чувствуя себя «посторонним» в жестоком мире людей, главный герой приходит к мысли о том, что эволюция человека зашла в тупик, и единственной возможностью исправить ущербное человечество можно лишь создав с помощью генетических технологий новый вид «homo cosmicus». В данной статье мы не будем касаться всех аспектов анализа произведения, а, в соответствии со своими задачами, рассмотрим особенности его пространственной структуры.

В повести «Я» можно выделить несколько взаимосвязанных пространственных моделей: бытовое пространство; природное пространство; социальное пространство; психологическое пространство; трансперсональное пространство.

Бытовое пространство – это пространство городка Путивля, детской колонии в поселке Недригайлов,

СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ

А.П. ПОТЕМКИНА «Я»

Пыхтина Ю.Г., канд. пед. наук, доцент
Оренбургский Национальный университет, Россия

В статье предлагается анализ структуры художественного пространства в повести А.П. Потемкина «Я». Выделяются и описываются несколько взаимосвязанных пространственных моделей: бытовое пространство; природное пространство; социальное пространство; психологическое пространство; трансперсональное пространство

Ключевые слова: художественное пространство, пространственные модели, я-пространство, А.П. Потемкин.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

колонии для несовершеннолетних преступников в городе Перевоз, городка Княгинина и, наконец, Староваганьковского переуллка в Москве – рисуется крайне необжитым и убогим. Условия, в которых в разное время жил герой повести (камера, сарай, свинарник, лагерная котельная, старый автобус, тарный цех, дворничья берлога), были нечеловеческими, но ведь он, отрицая в себе человеческое, никогда и не желал другого жилья: «Мое убежище представляло собой нечто вроде сложенного из кирпича обветшавшего сарая с крышей, покрытой залитым гудроном толем. Пол из подгнивших в щелях досок был ниже уровня двора на полметра. Единственное крошечное окно, смотревшее прямо на музейный вход, было наглухо заделано старым картоном. Но я был чрезвычайно доволен казенным жилищем. Это холодное помещенье, оборудованное печкой-буржуйкой, вполне подходило для такого предпочитающего аскетизм типа, как я» [8, с. 110].

К бытовому пространству можно отнести и описание объектов окружающего мира, которые иногда привлекали внимание Василия: «Я дошел до ресторана «Прага», свернул налево, через сотню шагов оказался у магазина «Сыр», перешел Бульварное кольцо и по Знаменке спустился до дома Пашковой, стоявшего в лесах. Тут я почему-то остановился, повертел головой, словно что-то вспоминая или

¹ А.П. Потемкин (р. 1949), автор романов «Изгой» (2003), «Мания» (2005), «Человек отменяется» (2007), «Кабала» (2009), повестей «Бес» (2001), «Игрок» (2003), «Стол» (2004) и др. Творчество А.П. Потемкина, который совсем недавно (не более десяти лет назад) заявил о себе как прозаик, высоко оценивается ведущими литературоведами и критиками Л. Аннинским, П. Басинским, А. Гачевой, К. Кокшеневой, В. Недзвецким и др. Исследователи связывают яркую, оригинальную манеру писателя с традициями Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского.

ища место, где можно было встретить путивльцев» [8, с. 161-162].

В целом же зарисовок бытового пространства в повести немного, так как герой, погруженный лишь в собственные мысли, почти не замечает мира вокруг себя: «Я никогда ничем не интересовался, кроме книг, поэтому при ходьбе никогда не рассматривал ни архитектуру домов, ни контуры автомобилей, ни лица людей, ни витрины магазинов. Глаза были открыты, но шел я как слепой» [8, с. 116].

Основным структурным компонентом *природного пространства* в рассматриваемом произведении является пейзаж. Интересным представляется то, что Василий Караманов, равнодушный ко многим радостям бытия, занятый только своими мыслями, оказался очень чутким к природе, об этом свидетельствует несколько поэтичных ее описаний, например: «Я почти всегда сидел где-нибудь совершенно один, вдали от воспитателей и сверстников. Лишь солнце ласкало меня, а взбалмошные бабочки вызывали интерес к жизни» [8, с. 50]; «На город опустилась зима. Снег прикрыв крыши домов и мостовые. Метель поюношески задорно кружила вокруг меня, словно дразня своим окаянным темпераментом» [8, с. 174].

Социальное пространство в повести рисуется, во-первых, с целью показать условия, которые сделали из Василия Караманова человеконенавистника: жестокость мира людей, обращавшихся к мальчику не иначе как «презренный мальчишка», «гаденьш», «негодяй», «вонючка», «отпрыск уродов» и т.п., агрессивность, окружающего мира, с которой герой повести столкнулся еще в раннем детстве, вызвала в нем сначала жажду мщения, потом стремление вызвать к себе чувство «лютой ненависти», потом породила чувство безграничного презрения к людям и, наконец, стала толчком к созданию грандиозной теории генетического изменения человечества («С кем же мне еще было говорить в безлюдной тесноте свинарника? Или в Путивле, или в детской колонии, в атмосфере ненависти, окружавшей меня? Если смотришь на мир с неприязнью, разве возникнет желание общаться с ним? Стать его

составной частью? Конечно, нет!») [8, с. 39].

Во-вторых, социальное пространство моделируется для того, чтобы с помощью экспериментального внедрения в элитарные слои общества, в среду военнослужащих, представителей культуры, политических деятелей и ученых, найти основы для создания нового вида «homo cosmicus». Василий Караманов рассуждает так: «чтобы эффективнее смоделировать путивльца, спроектировать его абсолютно свободным от человеческих пороков, необходимо углубиться в их природу, тщательно исследуя тотальный упадок нравов и поток вождельней» [8, с. 106]. Однако опыт «хождения в люди», начавшись «с желания понять, можно ли что-то полезное найти у них для путивльцев» закончился для него ничем: «...вся практика общения с их миром убедительно доказала: «чего-то полезного» в них нет или почти нет» [8, с. 316]. Герой убеждается в том, что доминирующие их гены – наживы, спроса, приобретательства, зависти, презрения и т.п. – лишний раз доказывают «ошибочность генетической архитектуры людей»: «... алчность, жадность, сексуальная распущенность, зависть, озлобленность, мягкотелость, коррупционность, правовой нигилизм, вранье, провокационность, алкоголизм, интриганство, низкий уровень интеллекта – все это сопровождало, сопровождает и будет сопровождать их породу. Все попытки избавиться от этих пороков с помощью язычества, иудаизма, мусульманства, христианства ничего не дали и дать не могли. В истории человека было время, когда царствовали аристократы, когда правили миром военные, когда главенствовали политики, когда последнее слово оставалось за физиками, когда властвовали финансисты. Сейчас миром распоряжаются глобалисты. Но на этом все. Можно ставить жирную точку! Никто из них не смог изменить homo sapiens» [8, с. 251-252].

Гораздо более сложную структуру имеет *психологическое пространство* – внутреннее пространство человеческого «Я». Прежде всего отметим, что рассмотренные нами модели (бытовое, природное и социальное

пространства) являются ничем иным как элементами психологического пространства, поскольку весь внешний мир изображается через призму восприятия Караманова, в субъективных формах. Другим элементом психологического пространства можно считать *интеллектуальное пространство* – пространство мысли, где формируются и живут идеи, представления, образы, – оно описывается в повести посредством пространственных метафор и сравнений: «Именно после этого случайного возникшего разговора с самим собой я впервые стал искать чудо не вне, а внутри себя. Внутренний голос подсказал мне, что оно есть, что оно не где-то далеко, а тут, рядом, готовое явиться по первому зову. Достаточно лишь распахнуть шторы сознания, и чудо предстанет во всей своей мощи» [8, с. 102]; «Но тут другая мысль буквально поразила мое сознание: "Все эти люди теперь будут входить в мое одиночество так же бесцеремонно, как они открывают двери третьего подъезда! И мое сознание должно будет впустить в себя их проблемы..."» [8, с. 128]; «Я постоянно рассуждал над вещами, о которых никто никогда не задумывался. Мое сознание было всегда полно чистейшими артезианскими мыслями, гейзирующими из глубин космоса» [8, с. 232]; «Мысли буквально разрывают голову. Сколько их вмещается? Это какая-то космическая бездна!» [8, с. 257] и т.п.

Внутренний психический мир героя составляет также *пространство его переживаний, настроений, чувств*, главным из которых является ощущение абсолютного одиночества, которое, впрочем, не угнетает, а наоборот, доставляет удовольствие Василию Караманову: «Одиноким образом жизни приучил меня к темноте: в ней я чувствовал себя более безопасно. А когда с улиц исчезали последние полуночники, я, шагая совершенно один по ночному городу, начинал чувствовать себя абсолютным хозяином жизни. Так хотелось быть одним на один с собой и владеть этим пустынным, до боли моим миром!» [8, с. 37].

Постоянное одиночество, тотальный разрыв с окружающим миром

«человеков», в конце концов приводит к расколу внутреннего «Я» героя: «Разговор с самим собой строился по принципу разделения собственного Я. Именно в те годы я понял, что размышлять и говорить с самим собой – это два совершенно разных занятия» [8, с. 44-45]. С особенной очевидностью это проявляется в последнем эпизоде повести, когда Василий Караманов прокручивает в голове сцену суда над собой, одновременно говоря за прокурора, судью, адвоката, милиционера, обвиняемого и других участников процесса. Читая повесть, можно неоднократно усомниться в психическом здоровье героя, тем более, что ряд симптомов налицо. «Подобная личность не способна переживать самое себя «вместе с» остальными или «как у себя дома» в этом мире, а наоборот, этот индивидуум переживает самого себя в состоянии отчаянного одиночества и изоляции. Более того, он переживает самого себя не в качестве цельной личности, а скорее в виде «раскола» всевозможными образами...» [4, с. 7], – пишет известный английский психиатр Р. Лэнг о шизоидных типах, как будто рисуя портрет Василия Караманова. Герой и сам понимает, что в глазах людей он ненормальный: «Тихий, но спятивший, выживший из ума. С утопическими фантазиями шизофреника» [8, с. 287].

Разобраться в истинности или ложности подобного впечатления помогает анализ *бессознательного уровня внутреннего мира* героя повести, т.е. тех явлений, процессов, свойств и состояний, которые оказывают влияние на его поведение, но не всегда осознаются им. В повести находят отражение прежде всего такие элементы мира бессознательного, как воспоминания, грезы и сновидения. Примечательно, что Караманов не всегда может с точностью ответить, думает ли он о чем-то в действительности или видит свои проекты во сне, например: «Во время уборки музейного двора я вспомнил о своем решении подготовить анализ состояния российской экономики. И почувствовал некоторую растерянность: этот проект был задуман в реальности – или во сне? Четкого ответа на этот вопрос я никак не находил. "Помутнение памяти?

Что-то новое происходит в моей голове"» [8, с. 306].

Именно наличие этих неосознаваемых процессов в мире «Я» Василия Караманова позволяет нам выделить еще одну пространственную модель – *трансперсональное пространство*. В современной психологии термин трансперсональное употребляется для обозначения «экспансии или расширения сознания за пределы привычного «Я» и за границы времени и пространства, при которых возможно достижение так называемых предельных человеческих способностей и потенциальных возможностей» [11, с. 925].

Расширение сознания героя происходит во время его виртуальных путешествий в пространстве, переход к подобному состоянию он чувствует даже на физиологическом уровне: «Удовлетворенный логикой своих размышлений, я расслабился. Заулыбался. Во рту появилась сухость. Тело прошиб озноб. Я ощутил себя в каких-то безмолвных, холодных сферах, где царила абсолютная пустота» [8, с. 173]; «Потом мои мысли стали расплываться, преобразуясь в не совсем ясные, короткие, призрачные видения. Запустение воцарилось вокруг меня» [8, с. 299]. Наиболее длительным оказалось перемещение Василия Караманова из выгребной ямы, полной людских отходов, в безбрежные просторы лазурного океана, являющееся своеобразной метафорой эволюции человечества, о которой он все время грезит.

Идеи русских космистов Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, ставшие основой эволюционной теории Василия Караманова, также свидетельствуют о ее трансперсональном характере. Как утверждают В.В. Майков и В.В. Козлов, «...русская трансперсональная традиция отличается глобализмом и «космическим» характером. Трансперсональная парадигма связана с идеей активной эволюции, т.е. необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство» [5, с. 78].

Глобальный рационализм, которым наделил А.П. Потемкин своего героя, конечно, исключает сомнения

в его ненормальности, но в то же время исключает и наличие в нем нравственного начала. Единственный раз он почувствовал не ненависть, а жалость и сострадание к людям, и очень удивился этому: «Я и не предполагал, что у меня есть сердце, – не как технический орган, а как чувствующий. <...> Чувствующий не глобально, а периферийно, не за весь космос, а за самого себя» [8, с. 276]. Открытие сердца, «этого чувствующего лоскутка материи», обесмысливает все рациональные выкладки Василия Караманова, и поэтому самосуд в финале повести представляется вполне закономерным.

Таким образом, анализ пространственной структуры повести «Я» позволяет приблизиться к пониманию сложной душевной организации главного героя, его грандиозной эволюционной теории, привлекательной разоблачительным пафосом человечества, но антигуманной в своей сути.

References:

1. Adrianova-Peretts V.P. K voprosu ob izobrazhenii «vnutrennego cheloveka» v russkoi literature XI–XIV vekov., Voprosy izucheniya russkoi literatury XI–XX vekov [On the image of “an inner man” in Russian literature of XI-XIV centuries., Matters of studying the Russian literature of XI-XX centuries]. – Moskva-Leningrad., 1958., pp.15-24.
2. Esin A.B. Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury [Psychology of classical Russian literature]. – Moskva., Flinta, NOU VPO «MPSI», 2011., pp. 250.
3. Likhachev D.S. Chelovek v literature drevnei Rusi [Human in the literature of the ancient Rus]. – Moskva., Nauka, 1970., pp. 180.
4. Leng R. Raskolotoe «Ya»: per. s angl [Divided “Me”: Translated from English]. – Sankt-Peterburg., Belyi Krolik [Белый кролик]. 1995., pp. 352.
5. Maikov V.V., Kozlov V.V. Transpersonal'nyi proekt: psikhologiya, antropologiya, dukhovnye traditsii [Transpersonal project: psychology, anthropology and spiritual traditions]., Tom II. Rossiiskii transpersonal'nyi proekt [Russian transpersonal project]. – Moskva., 2007., pp. 424.

6. Meletinskii E.M. Analiticheskaya psikhologiya i problema proiskhozhdeniya arkhетipicheskikh syuzhetov., Bessoznatel'noe. Sbornik [Analytical psychology and the problem of the archetypal stories origination., Unconscious. Compilation]. – Novoчеркассk, 1994., pp. 159-167.

7. Nikolaev N.I. Vnutrennii mir cheloveka v russkom literaturnom soznanii XVIII Veka [Inner world of a man in the Russian literary consciousness of the XVIII century], Diss. ... doktora filol. nauk. 10.01.01 – russkaya literature [Dissertation by the Doctor of Philology. 10.01.01 - Russian Literature]. – Arkhangel'sk, 1997., pp. 304.

8. Potemkin A.P. Ya, povest' [I, a poem]. – Moskva., ID «PoRog», 2004., pp. 384.

9. Pykhtina Yu.G. Skvoznnye prostranstvennye obrazy v russkoi literature., monografiya [Transverse spatial images in Russian literature., Monograph]. – GmbH: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2011, pp. 150.

10. Savel'eva V.V. «Vneshnii chelovek» i «vnutrennii chelovek» v khudozhestvennom mire [“External man” and an “internal man” in the artistic world]. L.A. Voinova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov; Ed. A.I. Molotkova., V.V. Savel'eva., Khudozhestvennaya antropologiya [Artistic anthropology]. – Almaty, 1999., pp. 118-184.

11. Sandberg N., Kettser K. Transpersonal'naya psikhologiya (I) [Transpersonal psychology (I)]., Psikhologicheskaya entsiklopediya [Psychological encyclopedia], Ed. R. Korsini, A. Auerbakha. – 2nd addition. – Sankt-Peterburg., Piter, 2006., pp. 1096.

12. Svitel'skii V.A. Geroi i ego otsenka v russkoi psikhologicheskoi proze 60-70-kh godov XIX veka [Hero and his assessment in Russian psychological prose of 60-70s of the XIX century], Diss. ... doktora filol. nauk. 10.01.01 – russkaya literature [Diss. Doctor ... Philology. 10.01.01 - Russian Literature]. – Voronezh, 1995., pp. 415.

13. Etkind E.G. Vnutrennii chelovek i vneshnyaya rech'[Internal man and external speech]. – Moskva., Yazyki russkoi kul'tury [Language of Russian culture], pp. 448.

Литература:

1. Адрианова-Перетц В.П. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI–XIV веков., Вопросы изучения русской литературы XI – XX веков. – М. –Л., 1958. – С. 15-24.

2. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Флинта, НОУ ВПО «МПСи», 2011. – 250 с.

3. Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. – М.: Наука, 1970. –180 с.

4. Лэнг Р. . Расколотоe «Я»: пер. с англ. – СПб.: Белый Кролик. 1995. – 352 с.

5. Майков В.В., Козлов В.В. Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Том II. Российский трансперсональный проект. – М., 2007. – 424 с.

6. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Бессознательное. Сборник. – Новочеркассk, 1994. – С.159-167.

7. Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века: Дисс. ... доктора филол. наук. 10.01.01 - русская литература. – Архангельск, 1997. – 304 с.

8. Потемкин А.П. Я, повесть. – М.: ИД «ПоRog», 2004. – 384 с.

9. Пыхтина Ю.Г. Сквозные пространственные образы в русской литературе: монография. – GmbH: LAP

LAMBERT Academic Publishing. 2011. – 150 с.

10. Савельева В.В. «Внешний человек» и «внутренний человек» в художественном мире // В.В. Савельева Художественная антропология. – Алматы, 1999. – С. 118-184.

11. Сандберг Н., Кётцер К. Трансперсональная психология (I)., Психологическая энциклопедия., Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.

12. Свительский В.А. Герой и его оценка в русской психологической прозе 60-70-х годов XIX века: Дисс. ... доктора филол. наук. 10.01.01 – русская литература. – Воронеж, 1995. – 415 с.

13. Эткинд Е.Г. Внутренний человек и внешняя речь. – М.: Языки русской культуры. – 448 с.

Information about author:

Iuliana Pykhtina - Candidate of Pedagogical sciences, Lecturer, Associate Professor, Orenburg State University; address: Russia, Orenburg city; e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

Сведения об авторе:

Пыхтина Юлиана - кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский Национальный университет; адрес: Россия, Оренбург; электронный адрес: pyhtina-2008@mail.ru

